

1920-е – 1930-е годы

**Газета «Советская Сибирь»,
2 марта 1922 года**

Не забывайте о библиотеках

Книгу старый строй не давал народу. Между книгой и народом была воздвигнута непропустная стена, и русский народ изнывал в муках духовного голода, который был не последней причиной голода физического.

…Одним из важнейших мероприятий в области просвещения народа Новониколаевский Отдел Народного Образования считает библиотечное дело. Для Отнараба явно значение библиотек, без наличия которых вся работа школы сводится на нет. Поэтому Отнараб ещё в декабре 1919 года приступил к своей сложной, ответственной и крайне неотложной работе.

…В результате двухлетней напряжённой работы в этой области к данному моменту в городе функционирует 4 сов. Б-ки с филиалами – детским и интернациональным…

Трудовой народ оценил значение библиотеки и понял, что разогнать густой туман невежества возможно только при помощи книги.

- Книгу, дайте книгу! – вот какой клич слышен теперь на всей территории уезда.

Губернский Отдел Народного Образования не жалел средств и сил на развитие библиотечного дела. Но, к сожалению, временное финансовое затруднение, в которое поставлен сейчас Новониколаевский Губнароб, не даёт никакой возможности содержать на государственный счёт всё библиотечное дело в прежнем масштабе.

Но ведь закрыть библиотеки – это значит снова погрузить в мрак невежества уже пробуждённый духовно край, снова водворить духовный голод… Такое разрешение вопроса, конечно, недопустимо.

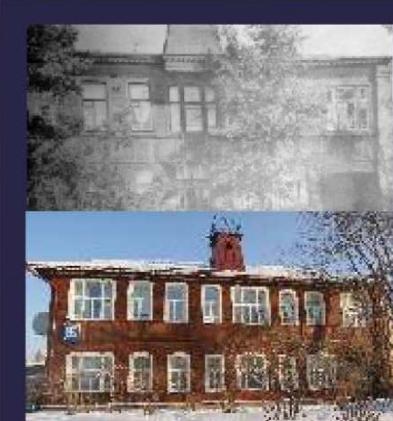
…Пусть само население позаботится о своих библиотеках и не даст заглохнуть этим истинным рассадникам знания. Необходимо предотвратить закрытие их, а вместе с этим опасность духовного голода, который всегда является предтечей голода физического.

Детская коммуна

Жизнь Новониколаевска 1920-1930-х годов была бурной. Город терпел огромные лишения, много сил было брошено на борьбу с эпидемией и последствиями сыпного тифа, который свирепствовал в Новониколаевске вплоть до конца 1922 года. Надо было возрождать жизнь города, разрушенного в годы Гражданской войны, очищать от грязи улицы, создавать заново городские службы, восстанавливать здравоохранение, образование, культуру… Необходимо было бороться с беспризорностью, детской преступностью и безграмотностью.

В начале 1920-х годов, с приходом Красной Армии, библиотека была восстановлена и получила название «2-я советская библиотека им. Л. Н. Толстого». Располагалась она в те годы на Инской, 29. В этом доме, помимо библиотеки, размещалось ещё несколько организаций: Закаменский райком партии, райком комсомола, клуб Октябрьской революции. Здесь же находился оружейный склад, поэтому можно считать, что книги в количестве 3500 томов были под надёжной охраной. В 1922 году была отмечена большая работа библиотеки по пропаганде советской книги, ленинских произведений.

Дом по улице Инской, 29.
Современный вид здания,
Инская, 55

ГЛАВА 2. «МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР...»

После Гражданской войны в Новониколаевске организовывались детские коммуны («Пчельник», «Муравейник») и мастерские при них, открывались трудовые колонии и детские дома. Школы были перегружены, так в документах отмечается, что в классах («группах») по 70 человек и это создает условия для эпидемии». Много усилий прилагалось к правильной организации питания школьников, снабжению буфетов завтраками и качественными продуктами. К нерадивым ученикам, неохотно посещавшим школу, прикрепляли культармейцев: «Поручить директору школы № 1 прикрепить к Селивановой культармейца для ликвидации неграмотности».

Большая часть города тогда состояла из деревянных домов и неудивительно, что властями постоянно выдвигалось требование «увеличить как личный, так и конский состав пожарных команд». К тому же в Закаменской части города не было водокачек, при возникновении пожаров воду приходилось брать из Оби. Решение срочно исправить Павловский спуск приняли по печальному поводу: спуск к реке был настолько разбит, что калечились лошади, вытягивающие переполненные водой бочки.

Кстати о воде, которую применяли и для тушения пожаров, и на бытовые нужды, в том числе на стирку. Ответственный за работу прачечных заявляет, что норма прачки – выстирать 60 штанов в день должна быть пересмотрена, «большая норма заставляет только выпускать не выстиранное белье, чем подрывается авторитет коллектива». Осталось неизвестным, удовлетворили просьбу о снижении нормы или нет. Трудно даже представить – каким невероятно тяжелым был тогда труд прачек.

Ещё один удивительный документ от 25 февраля 1937 года – ходатайство о «сложении плана молокопоставки» от Покрышкина. В то время единоличники (как и колхозные дворы) были обязаны поставлять (сдавать) молоко государству, каждый литр был на строгом учёте. Освободиться от этой повинности могли немногие льготники: инвалиды войны и труда, жены красноармейцев, имеющие маленьких детей. Не сдавать молоко могли единоличники, которые не имели других трудоспособных членов семьи и продавали его, чтобы существовать на эти деньги. От обязательной поставки молока Ксению Степановну Покрышкину не освободили, в подписанном председателем райсовета по фамилии Пергамент документе указано:

«В ходатайстве отказать, так как она живёт на иждивении её сына, который работает». Никто в те времена не мог предположить, что со временем из многодетной семьи Покрышкиных выйдет трижды Герой войны, легендарный лётчик, а имя Александра Ивановича Покрышкина будет носить расположенная рядом с архивом станция метрополитена, а также улица, аэропорт, учебный авиационный центр и другие заведения!

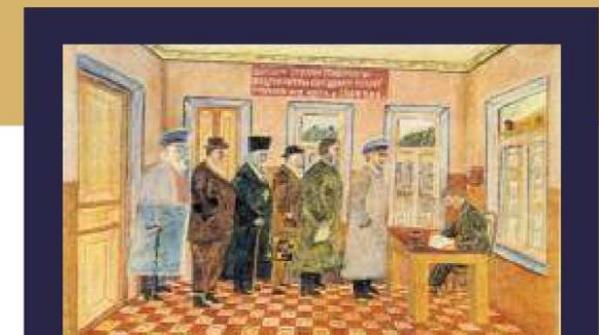
Большое внимание уделялось «лишенцам» – людям, лишенным избирательных прав. Бывшие офицеры и чиновники, священники, торговцы не имели права избирать и быть избранными в государственные органы власти. В протоколах можно было прочитать о том, как принимались решения об организации Октябрьского парка культуры и отдыха на территории Инюшинского соснового бора (с устройством танцевальной площадки, эстрады, оркестровой), а также о передаче помещения бывшей церкви по ул. Сузунской (сейчас ул. Восход) под районный кинотеатр.

Внешний вид домика трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина по ул. Лескова. Фото 1943 год

Улица Большевистская.
1928 год

«Царским слугам: генералам, фабрикантам, помещикам, попам, кулакам – нет места в Советах»

В июне 1922 года в городе, как сообщала газета «Советская Сибирь», было 26 библиотек «с общим числом томов в 58 585. Подписчиков состояло в июне 2835 человек».

12 мая 1923 года, в связи с отсутствием средств на содержание библиотек, президиум Новониколаевского губкома РКП(б) признаёт необходимым ввести платное пользование книгами в советских библиотеках города, это положение существовало до февраля 1924-го.

А между тем книга, и вообще печатное слово, пользовались большим спросом. В стране с каждым годом становилось всё больше читающих людей, чему способствовала государственная политика ликвидации безграмотности.

В декабре 1919 года вышел декрет Совета народных комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», согласно которому всё население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать и писать, должно было обучаться грамоте на родном или русском языке. Ликвидация неграмотности, согласно этому декрету, рассматривалась как обязательное условие обеспечения сознательного участия населения в хозяйственной и политической жизни страны. При этом предусматривалось, что все грамотные будут привлекаться к обучению неграмотных в порядке трудовой повинности. Для этого предполагалось развивать сеть соответствующих учреждений в городах и сельской местности.

В плане работ массового добровольного Новониколаевского общества «Долой неграмотность», образованного в 1923 году, на апрель–июнь 1924 года значилось вовлечение новых членов, проведение лекций и спектаклей для изыскания средств, открытие двух ликпунктов в городе.

Задачи, которые ставились перед организацией, четко обозначены в листовке правления общества: «Надо ликвидировать азбучную и политическую неграмотность. Надо научить массы неграмотных писать, читать, считать, разбираться во всех событиях общественно-политической жизни, научить применять знания в повседневной работе...».

На 1 ноября 1924 г. количество ячеек общества «Долой неграмотность» в г. Новониколаевске составляло 55 единиц, в них состояло 2890 человек; в уезде – 70, с количеством членов 3700 человек. Все средства, поступающие в общество, собранные путем устройства лотерей, спектаклей, членских взносов, шли на ликвидацию неграмотности.

Основной принцип: «Каждый грамотный должен обучить за год неграмотного или дать на его обучение 3 р. 78 коп.». К нерадивым ученикам, неохотно посещавшим школу, прикрепляли культармейцев: «Поручить директору школы N 1 прикрепить к Селивановой культармейца для ликвидации неграмотности».

В 1924 году в Сибири насчитывалось 1870 ликпунктов, в которых обучилось 66 156 неграмотных.

ГЛАВА 2. «МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР...»

Что же читали граждане первого в мире советского государства в бурный и трудный период его становления?

«Советская Сибирь», 1 мая 1926 года

Читатель требует

...Герой дня, как и всегда, Джек Лондон. Его читают, как говорит библиотечная статистика, оба пола, все возрасты и без различия социальных категорий.

...Но в то же время отмечается другое отрадное массовое явление. Кроме Лондона иностранную литературу почти не читают.

- Дайте нам русского автора - вот требование городского, особенно рабочего, читателя сегодня.

- Ага, набили оскомину на иностранщине, на разных Бенуа и Берроузах, - говорят библиотекари.

Сейчас читатель берёт Неверова, Серафимовича, Вересаева, Леонова «Барсуки», хорошо идёт «Цемент» Гладкова, читают Сейфулину.

Стихи, как и прежде, идут слабо. Исключение составляет Есенин, смерть которого сделала хорошую рекламу его произведениям. Есенин распродан до последнего экземпляра.

Кроме беллетристики, заметен большой спрос на научно-популярную, главным образом естественно-историческую литературу.

...Это говорит за то, что у нашего читателя намечается своё лицо, за то, что он уже научился читать по известному плану.

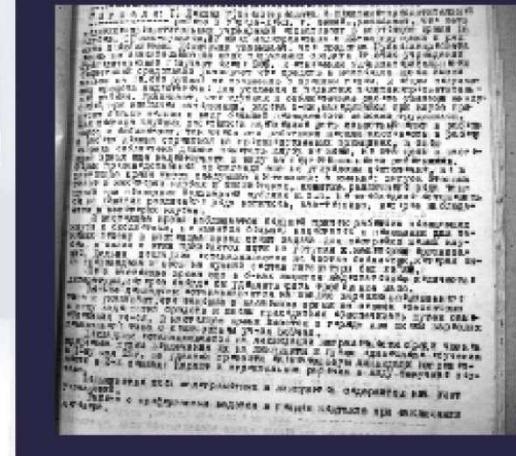
И к читателю необходимо относиться очень и очень внимательно.

Леонид Март

Согласно протоколам заседаний 1925 года состояние городской сети библиотек признавалось катастрофичным. При этом отмечались «бедность и устарелость книжного инвентаря городских библиотек, мизерность ассигнований на пополнение библиотек литературой и отказ в средствах на переплёт и ремонт книг», отсутствие помещений. Но, несмотря на все указанные трудности, в протоколах указано: «Всё же работа ведётся, организуются выставки и прочее».

А вот ещё один небезынтересный документ: доклад Губполитпросвета 24.02. 1925 г. о политико-просветительной работе в городе. Докладчик т. Леший указывает, что «клубная и библиотечная работа увязаны между собой при взаимном выполнении. Работа библиотеки, находящейся при клубе, приносит больше пользы ввиду большей посещаемости массами трудящихся. Библиотека должна помогать клубу во всем, но эта цель ещё не достигнута ввиду неподготовленности работников. Имеем следующие достижения: выпуск стенных газет в некоторых клубах и библиотеках, изжитие различного рода танцулек при посещении бульварной публики. Но необходимо остановиться на изжитии различного рода напитков, как-то: пива, которое наблюдается в некоторых клубах. Чистка библиотек была произведена и весь не нужный состав литературы был изъят».

«Щи щам – рознь» или о «чистке библиотек» в 1920-е годы

Надежда Константиновна
Крупская
1869 - 1939

Декрет о централизации библиотечного дела в РСФСР, отредактированный Лениным и опубликованный 4 ноября 1920 года, не просто связывал все библиотеки страны в единую сеть, но предполагал централизованное снабжение всех библиотек (кроме специальных) «через местные учётные распределительные комиссии, получающие книги из Центральной распределительной комиссии при государственном издательстве».

Из этого декрета ясно видно, что именно понималось под централизацией. Речь шла не столько о том, чтобы «помочь народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку», но о создании единой государственной системы контроля за книгой через централизованное комплектование библиотек. «Основная задача дня, – говорилось уже определённо в 1926 году, – увязка всех библиотек данного города (а потом и всей страны) в единый политico-просветительный аппарат».

Основным вопросом централизации был, таким образом, вопрос о комплектовании библиотечных фондов. Но начала новая власть не со снабжения, а с «чисток», не с комплектования, а с изъятий. Чистки начались сразу после Февральской революции и были усилены большевиками. Процесс приобрел лавинообразный характер к лету 1918 года – библиотечные фонды сократились в целом вдвое и только к концу 1919 года вернулись к дореволюционным цифрам. Но новая литература лишь количественно могла заполнить образовавшееся зияние, поскольку основную часть её составляли брошюры, и уж никак не могла заменить изъятого «хлама». При этом брошюры были в основном общественно-политического характера, печатались на плохой бумаге, быстро устаревали, изымались в свою очередь, изнашивались и уносились читателями из библиотек.

Новая библиотечная политика обосновывалась своей логикой. «Знание грамоты можно сравнить с ложкой, – писала Крупская в 1923 году. – Ложкой удобно хлебать щи, но если щей нет, то, пожалуй, не к чему обзаводиться и ложкой.

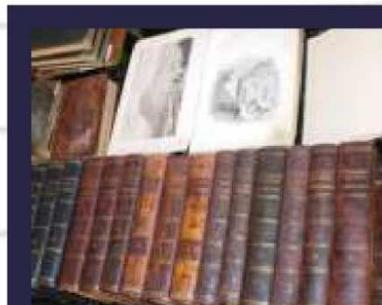
Дело библиотеки поставлять миску со щами – сокровищницу знаний – владельцам ложек, людям, владеющим техникой чтения...

Однако это лишь часть задачи в области библиотечного дела. Щи щам – рознь. Надо варить их не из сена и трухи, а из достаточно питательных веществ, надо сделать варево удобоусвояемым, вкусным. Важно не просто расставить по полкам книги, надо расставить наилучшие, самые ценные, самые нужные книги, самые доступные, наиболее отвечающие на запросы читателя».

Красиво, образно сказано. Вопрос в том, что понималось под «наилучшими, самыми ценными, самыми нужными книгами»?

Как отмечалось в инструкции 1924 года «по пересмотру книжного состава библиотек», свою политическую и культурно-воспитательную роль библиотеки не смогут выполнять, «если не освободятся от контрреволюционной и вредной литературы». Инструкция требовала «безусловного изъятия» такой литературы не только во всех библиотеках, обслуживающих «массового читателя», но и в научных. В больших библиотеках изъятые книги могут быть сохранены, но «под строжайшей ответственностью заведующих, с обязательством с их стороны не допускать таковые к массовому распространению» (институт «спецхранов»).

От каких же книг «очищались» библиотеки? Безусловному изъятию подлежала вся литература по философии, психологии и этике, отдел религии должен был содержать теперь только антирелигиозную и «противо-церковную» литературу, разрешено было оставить Евангелие, Библию, Коран. С полок убиралась «литература для народа» –

«лубочные книжки», «бульварные» и детективные романы, т. е. значительная часть беллетристики, агитационная литература оппозиционных партий, «книжки о воспитании в духе основ старого строя (религиозность, монархизм, националистический патриотизм, милитаризм, уважение к знатности и богатству)», «книжки, смешивающие науку с религиозными вымыслами, с рассуждениями о... безнравственности дарвинизма и материализма». Безусловно, отбор был направлен на дистиллирование книжного состава библиотек, на замену «массовой литературы» «литературой для масс».

Особенно сильно пострадали в результате изъятий детские библиотеки: здесь, очевидно, сказались педагогические пристрастия и претензии Крупской, считавшейся не только «главным библиотекарем», но и «главным педагогом» страны. Инструкция требовала: «Особенно важно очистить от книг с дурным эмоциональным и идеальным содержанием детские отделы библиотек, из которых необходимо изъять не только книги с вышеуказанным уклоном, но также и книги, не удовлетворяющие современным педагогическим требованиям».

Ясно, что под эти формулировки могло подпасть буквально всё. По детской литературе были составлены особенно пространные списки, требующие изъятия целых категорий детской литературы. Прежде всего речь шла, как ни странно, о сказках. Изъятию подлежали сказки Афанасьева, «Аленький цветочек» Аксакова, «Молодильные яблоки» Авенариуса, «Русские сказки» Васильева, «Великие сердца» и «Сильные духом» Лебедева, «Сборник русских сказок для детей», «Кума-Лиса», «Легенды и предания», «Петя-Петушок» и многие, многие другие. Обосновывалось это тем, что сказки «вредно влияют на неокрепшее сознание ребёнка», воспитывают суеверия, мистицизм, затемняют «материалистическую картину мира». Правда, через некоторое время русские народные сказки были реабилитированы как способствующие «воспитанию патриотизма».

Но изъятые повести и рассказы для детей, а в 1924 году, например, инструкция содержала 97 имён детских писателей, так и не вернулись к детскому читателю. То же относится и к специальному списку детских книг по истории и исторической беллетристике (список состоял из 51 автора), и к комплектам детских журналов «В школе и дома», «Галченок», «Доброе утро», «Задушевное слово», «Мирок», «Ученик». Если учесть, что ко времени выхода этой инструкции новой детской литературы почти не было – её издание только разворачивалось, – не трудно себе представить, что означали изъятия такого масштаба для детских библиотек.

Какова же была судьба изъятых книг? Инструкция Главполитпросвета предлагала: «Всё признанное правильно изъятым после оставления двух экземпляров в архиве и отбора книг, могущих иметь ценность для научных и специальных библиотек, продаётся в расширенном виде на фабрики для переработки на бумагу».

Некоторые библиотеки продавали «вредные» книги, в результате чего у букинистов появились книги с не погашенными библиотечными штемпелями. Огромное количество томов было просто украдено, растищено, унесено домой...

В начале 1930-х годов начался период особенно жёсткой чистки книжных фондов. Зачастую наряду с «идеологически чуждой» литературой с полок выметались классики философии, естествознания, изящной литературы и даже революционного марксизма! В конце концов вопрос о бездумной чистке библиотек дошел до Политбюро, которое 23 октября 1932 года предписало: «Ввиду совершенно недопустимого, по существу антисоветского характера, который приобрела чистка библиотек за последние два года, немедленно прекратить чистку, перевозку и перепродажу книг из всех библиотек».

Всё вместе – Гражданская война и разруха, последствия «чисток», нехватка самого необходимого – не замедлили сказаться на состоянии библиотек и книжных фондов. «В области библиотечного дела – полнейший скандал, – бьёт тревогу т. Леший. – 10 тысяч детей школьного возраста протягивают руки за книжкой, а книжек в общественных библиотеках нет. 20 тысяч рабочих и служащих нуждаются в книге, которую можно было бы получить бесплатно для чтения из советской общественной библиотеки».

Газета «Советская Сибирь» в октябре 1926 года в статье «Развал библиотек и их восстановление» писала буквально следующее: «По округу в сёлах и деревнях имеется 90 библиотек и 108 изб-читален с общим количеством книг до 60. Но почти половину книг нужно выбросить, ибо это старый, крайне изношенный хлам. В среднем в деревне приходится 1 книга на 15 человек.

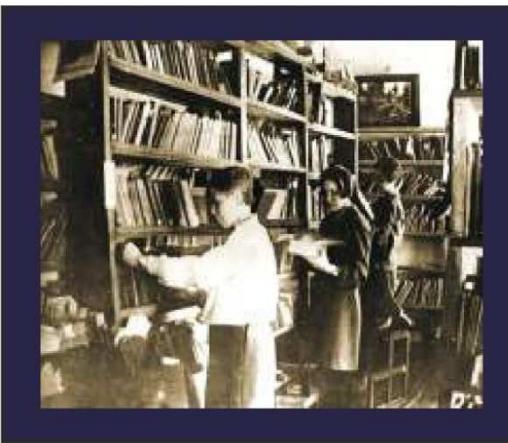
Не лучше обстоит дело и в городе, хотя здесь 1 книга приходится в среднем на 2-3 чел. Общее количество в библиотеках Новосибирска – свыше 60000, но и здесь 30 проц. можно и нужно выбросить, ибо они устарели по содержанию и чрезвычайно истрепались. Для краевого центра иметь одну книгу на 2-3 человека просто стыдно, эта цифра, по выражению докладчика, «является тревожной», свидетельствующей о крайнем библиотечном кризисе».

Но даже в этих тяжёлых условиях библиотеки существовали, работали, изо всех сил стараясь утолить читательский голод.

Помимо этого, советским государством библиотекам выдвигались большие требования, они должны были вести политмассовую работу на предприятиях, развернуть оборонную и антирелигиозную работу, привлекать в порядке общественной работы культурные силы района – учителей, инженеров и техников предприятий.

Традиционно библиотеки изучали интересы читателей и удовлетворяли их запросы. Принимали меры «к ликвидации задолженности и в возврате книг читателями». Для борьбы с задолжниками тогда привлекали «сборщиков из числа комсомольцев и учащихся старших классов». Во многих библиотеках организовывались кружки переплёта книг, что позволяло отремонтировать изношенные. В 1924 году библиотека им. Л. Н. Толстого, проводившая большую культурную работу, открыла книгоношеские пункты на предприятиях города и вновь входила в число самых крупных в городе. Заведовали ею в те годы И. К. Воробьев – известный в дальнейшем деятель советского просвещения и книгоиздания в Сибири, С. В. Соколовская, О. Н. Каменева.

Книгоношество – одна из форм библиотечной работы. Её своеобразие состоит в том, что книги из библиотеки доставляются читателю, в данном случае – по месту его работы. Книгоношеские пункты на предприятиях позволяли организовать обслуживание читателей в тех случаях, когда не было возможности открыть передвижную библиотеку. Книгоношество способствовало привлечению новых читателей, доведению книги до каждого производственного участка, каждого рабочего.

Газета «Советская Сибирь»,
1 февраля 1927 года

Книга на окраины города
Центральная библиотека не в состоянии обслужить всё городское население. Поэтому окрполигпросвет заботится теперь о снабжении книгами городских окраин. Начали работать 8 книгоношеских пунктов. Закаменская библиотека имени Толстого обслуживает два пункта (на заводе «Труд» и на кирпичном заводе)...

Кроме того, по городу развертываются 28 книжных передвижек. Всеми библиотеками города... охвачено 2922 подписчика.

О ЧЁМ РАССКАЗАЛИ АРХИВЫ

Обследования библиотеки имени Толстого при закаменском Райкоме. 1924 год.

Средств на библиотеку сколько полагается – неизвестно. Библиотеку снабжает Губполлитпросвет, за два года получено только 24 экземпляра, чистка была в прошлом году.

Помещение удобно под библиотеку и читальню.

При библиотеке имеется читальня.

Данную библиотеку обслуживает 2 библиотекаря, но ввиду болезни заведывающей сейчас 1 библиотекарша; прикомандированы 2 практикантки из Педтех. на 2 месяца.

1 библиотекарша учится в Педтехникуме, на IV курсе, а другая неизвестно – она больна.

Служебный стаж библиотекарши 2 года.

Общественно-политическая работа ведётся в смысле направления неосведомленного читателя в литературе, выставки, например в день Красной Армии был проявлен выставкой подходящей литературы.

Персонал состоит членами библиотечного объединения.

Количество томов в библиотеке 3500, критика представлена полно.

В библиотеке состоят подписчиков:

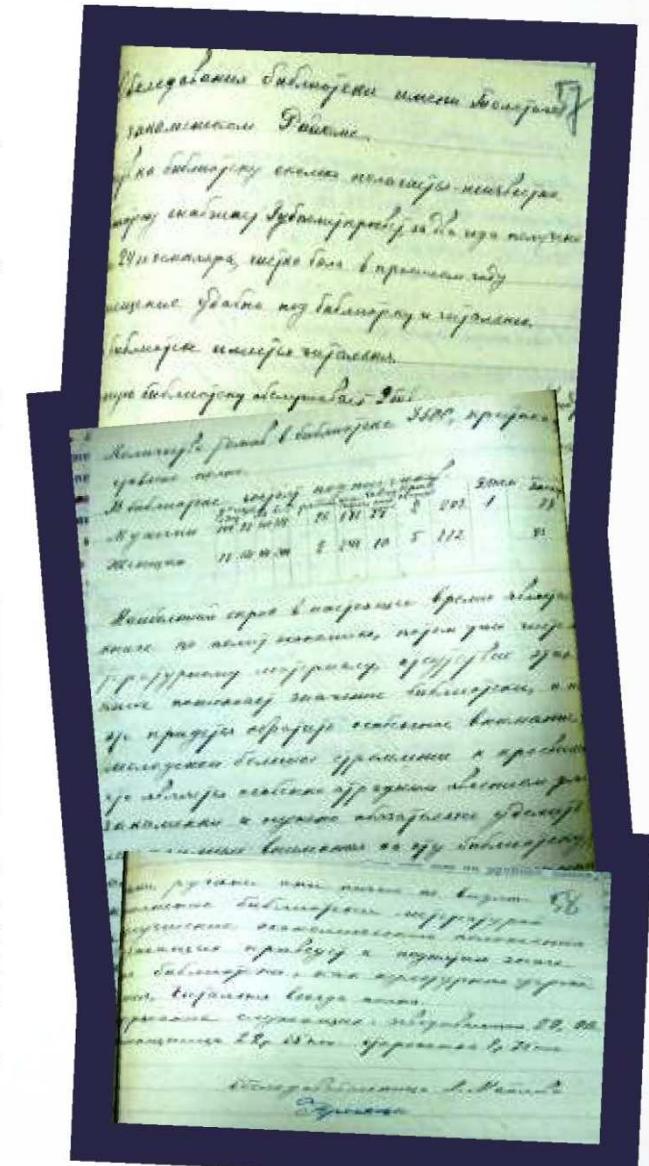
ПОЛ	До 13 лет	С 13 до 17 лет	С 18 лет	всего	рабочих	Учащихся	Совслужащих	Просвещенцев		ВЛКСМ	Пионеров
мужчин	100	97	120	317	26	181	17	2	203	1	38
женщин	77	121	46	244	2	246	10	5	272		43

Наибольший спрос в настоящее время является к книге по политэкономике, потом уже чисто литературному материалу, отсутствие этих книг снижает значение библиотеки, и на это придется обратить особое внимание, у молодежи большое стремление к просвещению, что является особенно ограждением явлением для Закаменки и нужно обязательно уделить максимум внимания на эту библиотеку, так как она расположена в районе некультурном и всеми средствами нужно идти навстречу молодежи, чтобы вырывать их из их некультурной среды, где кроме пьянства, драки, ругани они ничего не видят.

Пополнение библиотеки литературой и улучшение экономического положения служащих приведет к поднятию значения библиотеки, как культурного учреждения, читальня всегда полна.

Содержание служащих: заведывающая 29.90 к., помощница 22 р. 75 коп, сторожиха 9 р. 75 коп.

Обследывательница А. Майлова Крыжкова

Новосибирская кинокопировальная кинофабрика. 1930-е годы

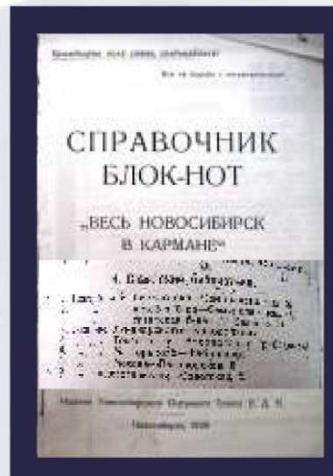
12 февраля 1926 года председатель ВЦИК
М. И. Калинин утвердил решение о переименовании Новониколаевска в Новосибирск

В последующие годы библиотека имени Льва Толстого неоднократно меняла свой адрес. И это несмотря на то, что она уже тогда являлась Центральной библиотекой района, что можно установить из протоколов заседаний Октябрьского райсовета.

В Справочнике-блокноте «Весь Новосибирск в кармане» и справочной книге «Весь Новосибирск» за 1928 год указан адрес библиотеки им. Толстого: угол Змеиногорской (ныне Якушева) и Грибоедова. К сожалению, здание не сохранилось, фотографий его тоже не обнаружилось.

В «Справочнике по городу и району» 1935 года указан новый адрес: «Гавриловская (ныне Добролюбова), 24. Здание кинофабрики. Телефон 35-150. Работает ежедневно с 11 часов утра до 8 часов. Имеются читальный зал, детское отделение и отдел выдачи книг на дом».

В январе 1938 года было принято решение об освобождении помещений киностудии 2-й районной библиотекой имени Толстого. Райкомхоз и жилупрправление должны были подыскать для библиотеки новое помещение в течение февраля. Помещение было подыскано, но об этом – в следующей главе. А пока...

Газета «Советская Сибирь», 21 августа 1937 года

О библиотеках

По далеко не полным сведениям в прошлом году каждый читатель городских библиотек прочёл 25 книг, районных библиотек – 19 книг, а сельских – 17 книг. Несомненно, читаемость книг была бы ещё более высока, если бы полнее был книжный фонд наших библиотек.

Несмотря на значительный рост библиотечной сети, он всё же отстает от быстро растущих культурных запросов трудящихся. Постановка же библиотечной работы в крае нуждается в коренном улучшении.

…Многие библиотеки ются в совершенно неприспособленных зданиях – холодных, тесных.

Новосибирская библиотека им. Толстого помещается в здании кинофабрики. Читатели ожидают выдачу книг на улице, так как в самой библиотеке невероятная теснота, негде даже присесть.

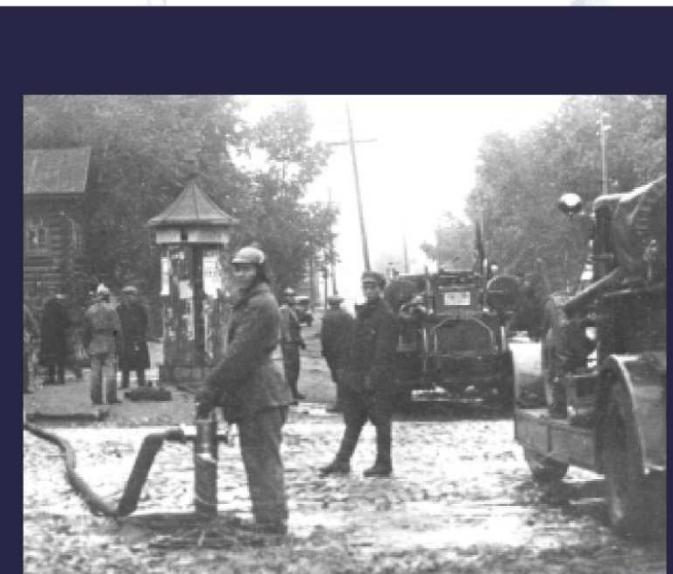
В. Е.

Коллективное чтение газеты.
Новосибирск. 1937 год

Строительство оперного
театра. Конец 1930-х годов

Новосибирские пожарные.
1930-е годы

Митинг на улице Инской.
1934 год

Библиотека обслуживала рабочий район (заводы «Труд», «Большевик», «Стандарт»), поэтому коллектив библиотеки организовал массово-просветительную работу среди читателей. На заводах проводились громкие читки, беседы, лекции, выставки. Библиотека была обязана продвигать «труды Марксизма-ленинизма» и проводить разъяснительную работу по выборам в Верховный Совет РСФСР, для чего за библиотекой были закреплены избирательные участки. В большие коллективы и общежития организовывали передвижки, книгоноши обслуживали стахановцев на дому.

